

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.10>

Болотина Юлия Петровна

Национально-культурная специфика зооморфных образных средств в романе Х. Хоссейни "The Kite Runner" ("Бегущий за ветром")

В статье рассматриваются зооморфные образные средства в романе Х. Хоссейни "The Kite Runner" ("Бегущий за ветром"). Научная новизна исследования обусловлена тем, что функционирование зооморфизмов изучается на материале творчества писателя-билингва в рамках когнитивно-дискурсивного подхода. Исследование показало, что функционирование зооморфизмов в данном романе более вариативно, их употребление характеризуется расширением объема их значений, а также реструктуризацией ассоциативных связей, что подтверждает существующий тезис о более гибком и динамичном творческом сознании писателя-билингва.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/4/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 4. С. 51-55. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'42

Дата поступления рукописи: 07.02.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.10>

В статье рассматриваются зооморфные образные средства в романе Х. Хоссейни “The Kite Runner” («Бегущий за ветром»). Научная новизна исследования обусловлена тем, что функционирование зооморфизмов изучается на материале творчества писателя-билингва в рамках когнитивно-дискурсивного подхода. Исследование показало, что функционирование зооморфизмов в данном романе более вариативно, их употребление характеризуется расширением объема их значений, а также реструктуризацией ассоциативных связей, что подтверждает существующий тезис о более гибком и динамичном творческом сознании писателя-билингва.

Ключевые слова и фразы: билингвальный автор; зооморфная метафора; лингвокультурологическая гетерогенность; образные средства; роман иммиграции.

Болотина Юлия Петровна, к. филол. н.

Волховский филиал Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена

bolotinayulia@yandex.ru

Национально-культурная специфика зооморфных образных средств в романе Х. Хоссейни “The Kite Runner” («Бегущий за ветром»)

Глобализация, одним из проявлений которой является переход человечества к массовому билингвизму или полилингвизму, отразилась на развитии современной художественной англоязычной литературы. По мнению К. Кнаута, современной литературе присущ мультилингвизм на уровне как денотативных, так и коннотативных значений. Происходит это благодаря проникновению иностранных языков по всему миру посредством средств массовой информации [13, р. 68]. Одним из источников билингвальной литературы являются иммиграционные процессы. Появляется даже новый жанр – роман иммиграции, “immigration novel”. Этот термин охватывает произведения европейских писателей-иммигрантов XIX и начала XX века или писателей из последних волн иммиграции [14, р. 14], включая В. Набокова, Д. Конрада, С. Рушди, О. Памука, Х. Хоссейни и многих других авторов. Широкое распространение билингвальной литературы и относительно малая степень ее изученности обуславливают **актуальность** работы, посвященной творчеству Х. Хоссейни, романы которого, написанные на английском языке, сфокусированы на его родной культуре, культуре Афганистана, и насыщены элементами его родного языка.

Многочисленные исследования языка в рамках лингвокультурологического подхода ставят своей целью раскрыть глубинные связи между языком, сознанием и культурой. Таким своего рода связующим звеном между культурой и языком выступает текст или совокупность текстов, в которых зафиксированы знания об окружающем мире и хранится человеческая культура. Ю. М. Лотман считал, что текст – это «сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [3, с. 132]. В настоящей статье анализ функционирования зооморфных образных средств в художественном тексте проводится в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, что определяет **научную новизну** исследования. При этом учет лингвокультурологических аспектов в анализе романа Х. Хоссейни «Бегущий за ветром» позволяет осветить и глубже понять отраженные в языке особенности менталитета и выявить модели взаимодействия разных лингвокультур в тексте, написанном автором-билингвом.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей использования зооморфных образных средств, а именно метафор и образных сравнений, в творчестве билингвального автора. Для достижения поставленной цели в ходе исследования были решены следующие **задачи**: подготовлена теоретическая база, сформирован корпус зооморфных метафор и сравнений, проведен когнитивно-дискурсивный анализ и выявлена специфика их функционирования в тексте билингвального автора.

Методы исследования включают контекстуальный анализ выявленных единиц и анализ словарных дефиниций. **Практическая значимость** проведенного исследования заключается в том, что его результаты могут использоваться в вузовских курсах по межкультурной коммуникации, стилистике и современной зарубежной литературе.

Тексты, написанные носителями двух (и более) языков, характеризуются лингвокультурной гетерогенностью (или неоднородностью). Термин «гетерогенный текст» в лингвистике получил различные трактовки и может обозначать любой текст, характеризующийся некой неоднородностью, включая и так называемые креолизованные тексты, отличительной чертой которых является наличие разных знаковых систем в одном тексте. Однако в рамках лингвокультурологического подхода гетерогенным следует назвать текст, характеризующийся взаимодействием как минимум двух культур. Лингвокультурной гетерогенностью может характеризоваться текст любого жанра, но художественный текст представляет особенный интерес, так как в нем тесно переплетаются индивидуальные авторские и культурно-обусловленные элементы, отражающие особенности творческого сознания билингвального автора. Е. К. Черничкина считает, что «у билингвального автора имеется более высокий уровень коммуникативной компетенции и большая вариативность используемых коммуникативных моделей» [9, с. 14].

Существуют разные уровни лингвокультурной гетерогенности текста: эксплицитный, который проявляется в эксплуатации реалий иноязычной культуры, прямо или косвенно указывающих на нее, и имплицитный, который реализуется на более глубинном уровне – в специфическом использовании языка текста. В анализируемом романе также гетерогенность проявляется как на внешнем (эксплицитном), так и на внутреннем (имплицитном) уровне. К эксплицитному уровню лингвокультурной гетерогенности в анализируемом англоязычном романе относятся следующие реалии афганской культуры: афгано-культурные антропонимы (*Hassan, Amir (Хасан, Амир)*), этнонимы (*Afghans, Pashtuns, Hazara (афганцы, пуштуны, хазарейцы)*), реалии из мира растений (*loquat tree, persimmon trees, mulberries (мушмула, хурма, шелковицы)*), бытовые реалии (*chapan (вид кафтана), naan (пшеничная лепешка)*), религиозные (*Sunni Muslims, mullah, Nazr (сунниты, мулла, Назр, или традиция жертвоприношения барана в Афганистане)*) [12] и т.д. Использование многочисленных реалий из жизни Афганистана помогает создать уникальный хронотоп, в котором будут развиваться основные события романа и действовать персонажи, для которых родной и зачастую единственной является афганская культура.

Однако наибольший интерес, на наш взгляд, представляет имплицитный уровень лингвокультурной гетерогенности художественного текста. В этом случае единицы языка, на котором написан текст, получают новые функции, оттенки значений, характерные для другой культуры. В частности, можно предположить, что система образов, закрепленная в средствах выразительности, в творчестве такого писателя непосредственно связана с его биполярным мировидением и отражает опыт его проживания в обеих культурах. С этой точки зрения в романе Х. Хоссейни “The Kite Runner” («Бегущий за ветром») особого внимания заслуживают элементы экспрессивно-образной номинации, а именно зооморфные метафоры и образные сравнения, основанные на зоонимах.

Метафора, изучение которой началось во времена Аристотеля, получила множество интерпретаций в работах таких лингвистов, как Н. Д. Арутюнова, В. Ю. Апресян, Дж. Лакофф, М. В. Никитин и др. Сегодня метафора определяется как «уподобление одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств, действий, характеризующих эти явления, в результате которого слова (словосочетания, предложения), предназначенные для обозначения одних объектов (ситуаций) действительности, употребляются для наименования других объектов (ситуаций) на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков» [2, с. 177-178]. Метафорический перенос – это своего рода инструмент, который позволяет выявлять аналогии и систематизировать полученные знания в ходе формирования представлений о мире. В. Н. Телия считает, что «метафора выполняет роль призмы, через которую человек совершает акт мировидения» [7, с. 179]. Кроме того, по мнению исследователя, «интерес к метафорическим образованиям объясняется тем, что созданные посредством их фрагменты языковой картины мира наиболее ярко и самобытно окрашивают концептуальную модель мира в национально-культурные цвета» [Там же, с. 177], то есть, являясь свойством сознания каждой языковой личности, метафора универсальна и отражает национально-специфические черты того или иного языкового коллектива.

Зооморфная метафора – это употребление названий животных для других объектов действительности (живых и неживых) на основе общности их объективных и субъективных свойств [5, с. 18]. Наиболее частотными зооморфными метафорами, выполняющими экспрессивно-оценочную функцию, являются единицы, образованные путём метафорического переноса на основе зоонима и служащие для образной характеристики человека. Образы животных на протяжении всей истории человечества играли важную роль в самоидентификации человека. Люди сравнивали себя с окружающими их животными, выявляя сходства и различия во внешних признаках, в умениях и даже в чертах характера. Проводимые аналогии не только откладывались в сознании индивидов, но и накапливались в коллективном языковом сознании, со временем нередко приобретая свойства стереотипа, который, как известно, может выступать в качестве упрощенного средства познания окружающего мира. Следовательно, зооморфные образные средства в творчестве писателя-билингва могут обладать свойством гетерогенности, так как наряду с индивидуальными авторскими трактовками того или иного образа отражают национальные стереотипные представления, свойственные двум культурам автора, родной и приобретенной.

Так, в романе Х. Хоссейни «Бегущий за ветром» представлены многочисленные зооморфные метафоры, характерные для различных культур. В частности, зооморфизм “dog” (собака) появляется в тексте романа в традиционном для культуры Афганистана общем оценочном отрицательном значении «подлый, недостойный человек» [6, с. 76]. Это распространенное в Афганистане ругательство не один раз используется в романе, например, появляется в словах антигероя Асефа о коммунистах, пришедших к власти благодаря поддержке Советского Союза: “...everyone knew the communists had no class... The same dogs who weren't fit to lick my shoes before the Shorawi came” [12]. / «В этом все коммунисты... Пока не пришли шурави, эти псы были недостойны лизать мне ботинки» [8] (здесь и далее перевод С. Соколова. – Ю. Б.). Интересно, что традиционный для культуры Афганистана зооморфизм в данном контексте сочетается с практически прямым заимствованием из романа «Великий Гэтсби» американского писателя Ф. С. Фитцджеральда: “...he wasn't fit to lick my shoe” [11, р. 38], подтверждая тезис о взаимопроникновении культур в текстах билингвальных авторов. Следует указать, что в англоязычной культуре функционирует схожий фразеологизм, однако соответствующая идиома в английском языке использует лексику *boots (lick one's boots (лизать ботинки))*, а не *shoes*, как в представленных выше примерах.

Необходимо отметить, однако, что упомянутое выше отрицательное оценочное значение присуще не только афганской или мусульманской культуре, но и христианской. Возможно, истоки следует искать в главных

религиозных текстах мусульман и христиан. По данным Большого библейского словаря, в библейские времена собаки считались презренными животными, трусливыми, коварными и всеядными стервятниками. К положительным качествам собаки в те времена относили способность помогать человеку пасти овец и бдительность. В целом слово «пес» использовали для обращения к злодеям и подчиненным [10, с. 468]. В Коране нет отрицательной характеристики собаки, однако отношение к ней в исламской культуре схоже с описанным в Библии.

Верность собаки, признаваемая различными культурами, также нашла отражение в афганском фольклоре. Например, в сказке «Ничего не доводи до крайности» именно преданность называется лучшей чертой этого животного [1, с. 223]. Данное частное положительное значение зооморфизма в анализируемом тексте проявляется в сравнении друга и слуги главного героя, Хасана, с этим животным: “*«A loyal Hazara. Loyal as a dog.» Assef said*” [12]. / «Верный хазарец. Верный, как пес, – говорит Асеф» [8]. В устах его заклятого врага Асефа, однако, положительная оценка образа нивелируется, что также обусловлено национально-культурными стереотипами. Известно, что для исламских культур слепая преданность собаки, готовность служить хозяину нередко являются поводом для презрительного отношения к этому животному, что и реализуется в данном примере.

В приведенных выше примерах в зооморфизме «собака» актуализируются универсальные стереотипы, присущие не только афганской культуре. Разнородность образов, связанных с собакой, объясняется тем, что это домашнее животное, характерное для разных, едва ли не всех, культур мира, тесно контактирует с людьми на протяжении многих веков. А следствием постоянного контакта, по мнению М. В. Никитина, является то, что домашние животные «связываются с широким полем ассоциаций, иногда специализированных, а иногда многообразных» [4, с. 213].

Однако в романе Х. Хоссейни встречаются примеры уникальной трактовки зооморфного образа, типичного для культуры Афганистана. Например, не встречающаяся в животном мире Афганистана обезьяна символизирует в этой культуре жалкого подвластного человека, слугу-марионетку, человека, исполняющего чужую волю. В то время как в английском языке обезьяна – это проказник или шалун: “*monkey – a mischievous person, esp. a child*” [15, p. 879] (обезьяна – шаловливый человек, особ. ребенок).

В Афганистан этот образ пришел из Индии, где на базарах выступали обезьянки на веревке, подчиняясь воле дрессировщика [5, с. 76]. Очевидно, подобное развлечение было перенято и жителями Афганистана, так как главный герой романа, Амир, пишет о таких представлениях, вспоминая свое детство: “*It reminded me of the Monkey Man Hassan and I used to chase down in Shar-e-Nau. We used to pay him a rupia of our allowance for a dance. The bell around his monkey’s neck had made that same jingling sound*” [12]. / «В Кабуле мы с Хасаном хвостом ходили за человеком с обезьянкой. Дашь хозяину рупию, и мартышка станцует для тебя. Колокольчик у нее на шее тоже так гремел» [8].

Упомянутое выше значение реализуется в описании муллы и вообще всех религиозных людей отцом Амира, который называет их обезьянами: “*...all those self-righteous monkeys*” [12]. / «...всех этих самодовольных обезьян» [8]. Необходимо отметить, что отец главного героя был человеком решительным, обладающим собственным взглядом на окружающий его мир, знающим свои культурные истоки и в то же время знакомым с западной культурой. Мулла и ему подобные представляются ему людьми, подчиняющимися только воле Аллаха, а значит, людьми безвольными и подневольными, не умеющими мыслить и принимать решения самостоятельно: “*They do nothing but thumb their prayer beads and recite a book written in a tongue they don’t even understand*” [12]. / «Они способны только теревить четки и цитировать книгу, языка которой они даже не понимают» [8]. Используемый автором эпитет “*self-righteous – excessively conscious of or insistent on one’s rectitude, correctness, etc.*” [15, p. 1256] (самодовольный – чрезмерно осознающий или настаивающий на своей нравственности, правоте и т.д.), то есть человек, излишне уверенный в собственной правоте, добавляет новую черту к характеристике таких людей. Не умеющие размышлять самостоятельно, привыкшие подчиняться воле Аллаха, они ни на толику не сомневаются в правильности собственных действий. По мнению отца Амира, такие жалкие люди недостойны уважения и вместе с тем могут стать источником бед в своей стране: “*God help us all if Afghanistan ever falls into their hands*” [12]. / «Не приведи Аллах, если они когда-нибудь дорвутся до власти в Афганистане» [8]. В этом контексте реализуется уникальный отрицательный оценочный компонент зооморфизма «обезьяна», свойственный национальному сознанию афганцев.

Важность данного образа для понимания романа подчеркивается тем, что это сравнение эхом звучит в тексте романа еще раз, когда, оказавшись на стадионе во времена правления Талибана на очередной показательной казни, главный герой вспомнил слова отца и понял их пророческий смысл: “*I remembered something Baba had said to me a long time ago: Piss on the beards of all those self-righteous monkeys. They do nothing but thumb their rosaries and recite a book written in a tongue they don’t even understand*” [12]. / «Много лет тому назад Баба сказал мне: “Эти самодовольные обезьяны достойны лишь плевок в бороду. Они способны только теревить четки и цитировать книгу, языка которой они даже не понимают”» [8]. Воплощением уверенных в собственной правоте «обезьян», слепо следующих определенным религиозным канонам и не ставящих под сомнение собственную жестокость, стали Талибы, захватившие власть в Афганистане.

Несмотря на то, что зооморфный образ «обезьяна» появляется в тексте романа в типичном для родной культуры Х. Хоссейни значении, реализуемое с его помощью отношение автора к слепой фанатичной вере в Аллаха, вероятно, также обусловлено культурной биполярностью автора, его личным опытом проживания в другой культуре.

Более того, помимо культурно-обусловленного отрицательного значения, сравнение с танцующей обезьянкой в романе Х. Хоссейни приобретает новый смысл в эпизоде с танцующим на утеху Талибам мальчиком,

племянником Амира. Глядя на танцующего под музыку ребенка, он вспомнил представления с обезьянкой на базаре Кабула. Схожими были некоторые внешние черты, например, колокольчик на шее у обезьяны и колокольчики на ногах мальчика: "...the bells strapped around his anklets" [12]. / «...на ногах – браслеты с колокольчиками» [8]. Но главным сходством было безропотное подчинение воле взрослого вооруженного человека, мальчик продолжал танец до тех пор, пока музыка не остановилась: "The bells jingled one final time when he stomped his foot with the song's last note. He froze in midspin" [12]. / «Колокольчики звякнули раз и затихли, а Сохраб застыл, не закончив очередного па» [8]. В этом случае сравнение с танцующей обезьянкой также рисует человека, оказавшегося в неволе, вынужденного подчиниться «дрессировщику», однако это не жалкий человек, достойный только презрения, а человек, заслуживающий участия, нуждающийся в помощи, человек, которого можно и нужно спасти. Таким образом, в семантике зооморфизма «обезьяна» появляется новый ассоциативный компонент.

С племянником Амира в той же сцене связан еще один универсальный зооморфный образ – образ жертвенного ягненка. Глаза Сохраба во время танца напомнили Амиру обведенные тушью глаза жертвенного барашка из обрядов его детства: "Sohrab's eyes flicked to me. They were slaughter sheep's eyes. They even had the mascara – I remembered how, on the day of Eid of qorban, the mullah in our backyard used to apply mascara to the eyes of the sheep and feed it a cube of sugar before slicing its throat. I thought I saw pleading in Sohrab's eyes" [12]. / «Сохраб смотрел на меня, не отрываясь. В его подведенных глазах была мольба, в точности как у жертвенного барана, которого режут в первый день великого праздника Ид-аль-адха. Жертве еще дают кусочек сахара перед тем, как перерезать глотку» [8]. В данной метафоре реализуется общекультурный смысл «невинной жертвы», подчеркивая новое положительное значение зооморфизма «танцующая обезьянка».

В некоторых случаях традиционные для Афганистана стереотипные представления о том или ином животном не находят воплощения в тексте, будучи вытесненными новыми приобретенными значениями. Следующая зооморфная метафора "donkey" (осел) в афганской культуре традиционно ассоциировалась с чревоугодием и приземленными желаниями [1, с. 245]. Кроме того, этот образ мог олицетворять философское спокойствие перед лицом судьбы [5, с. 76]. Однако в тексте романа реализуется значение «глупый человек», характерное для второго языка автора (английского): "donkey – colloq. a stupid or foolish person" [15, p. 402] (осел – разг. глупый или неразумный человек). Так, Амир обращается к Хасану, подшучивая над его страхом перед возможной разлукой: "Was, you donkey. No one's sending you away" [12]. / «Да успокойся ты, осел. Никто вас не прогонит» [8].

Таким образом, из проведенного исследования следует сделать **вывод** о том, что когнитивно-дискурсивный подход позволяет выявить не только эксплицитные, но и имплицитные формы взаимодействия двух лингвокультур в художественном тексте. Относящиеся к последнему уровню, зооморфные образные средства в творчестве писателя-билингва являются неотъемлемой чертой лингвокультурной гетерогенности художественного текста, отражающей уникальность творчества билингвального автора. В частности, у автора-билингва выбор зооморфных образных средств и их коннотативных значений шире, чем у монолингва, поскольку он эксплуатирует образы не одной, а минимум двух культур. Функционирование зооморфизмов в романе "The Kite Runner" более вариативно, так как в нём представлены универсальные общекультурные зооморфные образы, а также образы, типичные либо для англоязычной культуры, либо присущие родной культуре первого языка автора. Кроме того, их употребление характеризуется расширением объема их значений, а также реструктуризацией и расширением ассоциативных связей, что подтверждает существующий тезис о более гибком и динамичном творческом сознании писателя-билингва.

Список источников

1. **Афганские сказки и легенды** / сост., предисл. и примеч. К. А. Лебедева. М.: Наука, 1972. 280 с.
2. **Глазунова О. И.** Логика метафорических преобразований. СПб.: Питер, 2000. 190 с.
3. **Лотман Ю. М.** Семантика культуры и понятия текста // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллин: Александр, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 129-132.
4. **Никитин М. В.** Курс лингвистической семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 819 с.
5. **Огдонова Ц. Ц.** Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира: дисс. ... к. филол. н. Иркутск, 2000. 162 с.
6. **Пелевин М. С.** Метафоры и образные сравнения в языке афганской племенной хроники // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2014. № 1. С. 71-81.
7. **Телля В. Н.** Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173-204.
8. **Хоссейни Х.** Бегущий за ветром [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/haled-hosseyini/beguschiy-za-vetrom/> (дата обращения: 07.02.2020).
9. **Черничкина Е. К.** Искусственный билингвизм: лингвистический статус и характеристики: автореф. дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2007. 29 с.
10. **Элуэлл У., Камфорт Ф.** Большой библейский словарь. СПб.: Библия для всех, 2005. 1522 с.
11. **Fitzgerald F. S.** The Great Gatsby [Электронный ресурс]. URL: <https://www.planetebook.com/free-ebooks/the-great-gatsby.pdf> (дата обращения: 05.02.2020).
12. **Hosseini K.** The Kite Runner [Электронный ресурс]. URL: https://bookfrom.net/khaled-hosseini/31586-the_kite_runner.html (дата обращения: 07.07.2019).
13. **Knauth K. A.** Literary Multilingualism I: General Outlines and Western World // Comparative Literature: Sharing Knowledges for Preserving Cultural Diversity. 2006. Vol. III. P. 67-85.
14. **Stuhr R.** Reading Khaled Hosseini. Westport: Greenwood Press, 2009. 140 p.
15. **The Concise Oxford Dictionary.** Ninth edition. Oxford: Clarendon Press, 1995. 1673 p.

National and Cultural Specificity of Zoomorphic Figurative Means in the Novel “The Kite Runner” by Khaled Hosseini

Bolotina Yuliya Petrovna, Ph. D. in Philology
The Herzen State Pedagogical University of Russia (Branch) in Volkhov
bolotinayulia@yandex.ru

The article analyses zoomorphic figurative means in the novel “The Kite Runner” by Khaled Hosseini. Scientific originality of the study is conditioned by the fact that zoomorphisms functioning is examined by the material of the bilingual writer’s works within the framework of the cognitive-discursive approach. The analysis indicates that the novel contains a great number of zoomorphisms that undergo semantic changes (semantic extension, restructuring of associative relations). It justifies the thesis that the bilingual writer’s creative consciousness tends to be more flexible and dynamic.

Key words and phrases: bilingual writer; zoomorphic metaphor; linguo-culturological heterogeneity; figurative means; émigré novel.

УДК 81; 821-111

Дата поступления рукописи: 03.03.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.11>

Статья посвящена рассмотрению идентичности на примере произведения англо-арабской писательницы, которое относится к кросс-культурной литературе. Цель исследования заключается в выявлении с помощью языковых средств признаков идентичности и ощущения двойственности в ситуации бикультурализма. Новизна исследования видится в совмещении лингволитературных и лингвостилистических методов для объяснения психологического феномена пограничности. Результаты лингволитературного анализа выявили взаимосвязь нарративной и этнической идентичности, показали ее диалогичность, двойственность и рефлексивность.

Ключевые слова и фразы: текст; дискурс; пограничная литература; нарративная идентичность; автообраз; гетерообраз; этнолитературная идентичность; лиминальность.

Дубовицкая Мария Анатольевна, к. филол. н.
Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
clouddancing@mail.ru

Этнолитературная идентичность в языковом преломлении мультикультурного художественного дискурса на примере арабо-американского произведения «Аравийский джаз» Дианы Абу-Джабер

Цель исследования мультикультурного художественного дискурса заключается в рассмотрении философских, культурных и социальных явлений, таких как, например, идентичность, ощущение двойственности и пограничности, бикультурализм, этническое самоощущение, с помощью литературных и языковых средств. **Актуальность** данного исследования объясняется растущим интересом к кросс-культурной, или пограничной, литературе, которая служит богатым источником для рассмотрения особенного положения между двух культур и традиций, характерного для иммигрантов разных поколений. **Научная новизна** видится в совмещении литературного, лингвистического и имагологического подходов для выявления признаков идентичности в художественном литературном дискурсе. **Задачи** исследования охватывают рассмотрение дискурса, его отношения к тексту и влияния на внутритекстовые категории; выявление черт нарративной и этнолитературной идентичности; определение ощущения пограничности (лиминальности) в процессе самоидентификации; описание диалогичности восприятия в имагологической призмe «свой – чужой».

1. Текст и дискурс: современный взгляд

Когнитивно-дискурсивная парадигма вывела «лингвистику текста» на качественно новый уровень, так как подразумевается рассмотрение огромного диапазона экстралингвистических факторов при анализе языковых феноменов. Таким образом, полное понимание и осмысление текста диктует включение его в более широкий контекст. Если трактовать текст как единицу дискурса [5, с. 110], то последний представляется многоаспектным и комплексным образованием, которое идеологически, социально, культурно и психологически обусловлено. Взаимовлияние текста и дискурса не вызывает сомнений в потоке речемыслительных актов, а также аудиально-го и визуального продуцирования. Дискурс, по мнению Мишеля Пешо, является чем-то гораздо большим и значимым, нежели просто зеркалом окружающей действительности [12]. Конструирующая роль дискурса объясняется тем, что внутри дискурсивного процесса происходит генерация и конструирование смыслов, определяющих позицию субъекта. Анализируя дискурс, необходимо опираться на время, пространство и социокультурный контекст, чтобы получить возможность интерпретировать внутритекстовые и внетекстовые смыслы.